ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ: 1 И 16 ЧИСЕЛЪ.

Подписка принимается въ Редакціи, при Пензенской дух. Семинаріи.

№ 18.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей съ пересылкою и доставкою 5 руб.

15-го сентября, 1879 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Къ исполненію со стороны духовенства.

Пензенская консисторія усмотрѣвъ, что нѣкоторые причты допустили писать подлинные метрики не на печатныхъ листахъ, нескрѣпленныхъ и непрошнурованныхъ, въ постановленіи своемъ, Его Преосвященствомъ утвержденномъ, опредѣлила: чтобы подобнаго рода дѣйствій не допустили и другіе причты епархіи и вслѣдствіе сего не произошла бы снова по этому случаю переписка, предписать духовенству епархіи, чтобы оное выписывало бланокъ метрическихъ въ достаточномъ количествѣ, а не подвязывало бы къ метрикамъ, при недостаткѣ печатныхъ бланокъ, простой

бумаги, при чемъ предупредить духовенство, что если окажется у кого либо подвязанными таковые листы, съ записью на нихъ метрическихъ статей, причты сіи будутъ штрафованы.

Пензенская духовная консисторія слушали справку по дѣлу о сборѣ пожертвованій на пріобрѣтеніе морскихъ судовъ добровольнаго флота. По справкѣ оказалось: 1) въ 169 № Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей припечатанъ рескриптъ, данный 29 іюля 1879 года отъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича на имя предсѣдателя Главнаго Комитета по сбору пожертвованій для пріобрѣтенія морскихъ судовъ добровольнаго флота, генералъ-адъютанта князя Долгорукова. Въ рескриптѣ семъ, между прочимъ, изъяснено: состоявшій подъ предсѣдательствомъ Его Высочества комитетъ по устройству добровольнаго флота прекратилъ свою дѣятельность и передалъ ее Высочайше утвержденному, 9 мая, Обществу добровольнаго флота, состоящему подъ Его Высочества покровительствомъ. Нынѣ съ закрытіемъ сего комитета, должна прекратиться и текущая дѣятельность комитетовъ по сбору пожертвованій, столь ревностно послужившихъ осуществленію патріотическаго предпріятія; дальнѣйшія же приношенія на сей предметъ, которыя не успѣли еще дойти по назначенію или дѣлаемы будутъ впредь, могутъ быть доставляемы уже непосредственно въ главное правленіе Общества добровольнаго флота. Съ утвержденія Его Преосвященства опредѣлили: О прекращеніи сбора пожертвованій на пріобрѣтеніе морскихъ судовъ добровольнаго флота дать знать благочиннымъ, настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей и общинъ чрезъ Епархіальныя Вѣдомости.

Господинъ начальникъ пензенской губерніи отношеніемъ, отъ 11 іюля сего 1879 года за № 883, просилъ сдѣлать распоряженіе, о вмѣненіи въ обязанность духовенству, чтобы въ день св. Троицы было отмѣнено украшеніе храмовъ, жилыхъ помѣщеній и другихъ предметовъ молодыми деревцами березы. Пензенская духовная консисторія, съ утвержденія Его Преосвященства, опредѣлили: Въ виду отношенія г. начальника пензенской губерніи, отъ 11-го іюля за № 883, и указа Святѣйшаго Синода, отъ 23 мая 1875 года, пропечатаннаго въ 14 № Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1875 года, вмѣнить въ обязанность духовенству пензенской епархіи, чрезъ пропечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, чтобы оно, объясняя, при всякомъ удобномъ случаѣ, прихожанамъ о могущемъ послѣдовать вредѣ для мѣстнаго хозяйства отъ истребленія молодыхъ деревъ березы и другихъ породъ для украшенія храмовъ въ нѣкоторые праздничные дни, убѣждали прихожанъ, чтобы они, для украшенія храмовъ въ день св. Троицы, а равно и другіе праздники, употребляли цвѣты, кустарныя и полукустарныя растенія.

Пензенская духовная консисторія слушали: отношеніе предсѣдателя православнаго миссіонерскаго Общества, отъ 30 іюля за № 479, коимъ увѣдомляетъ, что одну изъ важныхъ статей дохода православнаго миссіонерскаго Общества составляетъ учрежденный повсемѣстно при церквахъ сборъ въ кружки „на распространеніе православія между язычниками въ имперіи“, предоставленный въ распоряженіе Общества по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 14—26 апрѣля 1871-го года. Въ 1872 году сего сбора поступило въ Совѣтъ и епархіальные комитеты православнаго миссіонерскаго Общества

17.000 руб. Въ слѣдующее трехлѣтіе церковно-кружечный сборъ при ежегодномъ возрастаніи возвысился до 30.000 р. Затѣмъ съ 1876 года количество его стало каждый годъ сокращаться, такъ что въ прошедшемъ 1878 году было этого сбора только 25.000 руб. Такъ какъ православное миссіонерское Общество въ случаѣ уменьшенія средствъ должно встрѣтить затрудненіе въ покрытіи принятыхъ имъ на себя расходовъ и тѣмъ болѣе въ дальнѣйшемъ развитіи своей дѣятельности: то проситъ Его Преосвященство, не признаетъ ли онъ возможнымъ предложить духовенству пензенской епархіи, чтобы оно употребило съ своей стороны возможное содѣйствіе къ возвышенію церковно-кружечнаго сбора на распространеніе православія между язычниками въ имперіи. Съ утвержденія Его Преосвященства опредѣлили: Отношеніе предсѣдателя православнаго миссіонерскаго Общества припечатать въ Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ къ свѣдѣнію духовенству пензенской епархіи, съ тѣмъ чтобы оно употребило съ своей стороны стараніе о возвышеніи кружечнаго сбора на распространеніе православія между язычниками въ имперіи.

Пензенская духовная консисторія, по поводу опредѣленія Св. Синода отъ 4—18 іюля сего года за № 1336-мъ, объ открытіи съ Высочайшаго соизволенія повсемѣстной въ имперіи подписки для сбора пожертвованій на сооруженіе соборнаго храма въ г. Баку *), постановила, чтобы о. о. благочинные, настоятели и настоятельницы монастырей и общинъ приношенія присылали въ консисторію для передачи по принадлежности.

*) Напечатано въ № 17-мъ Епарх. Вѣдомостей.

Журналъ Совѣта епархіальнаго женскаго училища *).

Слушали: Сданное Его Преосвященствомъ письмо г. почетнаго блюстителя Александра Устинова слѣдующаго содержанія: „Считая за счастіе посѣщеніе Вами моего дома, я, въ ознаменованіе моей радости, желалъ бы покорнѣйше просить Васъ, Ваше Преосвященство, принять отъ меня пожертвованіе 640 рублей на годичное содержаніе восьми дѣвочекъ—сиротъ духовнаго званія, не принятыхъ въ прошломъ году по недостатку средствъ, и на будущее время разрѣшить содержать въ епархіальномъ училищѣ на собственныя средства восьми дѣвочекъ—сиротъ духовнаго званія до тѣхъ поръ, пока я буду состоять почетнымъ блюстителемъ при означенномъ училищѣ.

Справка: Въ началѣ $187^8/_9$ учебнаго года восемь дѣвочекъ—сиротъ духовнаго званія не были приняты въ училище по неимѣнію средствъ. По журналу Совѣта (1878 г.) отъ 24 августа, № 31, ст. IV, п. 4, видно, что сироты эти слѣдующія: Примѣрова Павла, Фелицина Валентина, Орнатская Александра, Виргильева Марія, Рождественская Анастасія, Покровская Марія, Васильева Ироида, Доброхотова Любовь.

Опредѣлили: 1) *Шесть сотъ сорокъ рублей*, записавъ на приходъ (и записаны), согласно желанію жертвователя, употребить на содержаніе восьми сиротъ въ наступившемъ $18^{79}/_{80}$ учебномъ году, объявивъ, поименованнымъ въ справкѣ сиротамъ, чрезъ мѣстныхъ о. о. благочинныхъ

2) За означенное пожертвованіе выразить отъ Совѣта искреннюю благодарность Александру Михайловичу Устинову, съ припечатаніемъ о семъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

---

*) Журналъ сей присланъ для напечатанія при отношеніи отъ 30 августа за № 145

3) Независимо отъ сего почтительнѣйше просить Его Преосвященство, не благоугодно-ли будетъ о пожертвованіи господина Устинова донести Святѣйшему Правительствующему Синоду и испросить отъ него благословеніе въ установленной для сего грамотѣ.

На семъ опредѣленіи Совѣта послѣдовала резолюція Его Преосвященства такая: „1879 г., августа 11 дня. Согласенъ“.

ИЗВѢСТІЯ ПО ЕПАРХІИ.

Отъ Совѣта пензенскаго епархіальнаго женскаго училища. Съ $18^{79}/_{80}$ учебнаго года въ пензенскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ открыто обученіе музыкѣ, съ платою по двадцати рублей сер. въ годъ съ каждой воспитанницы, которая будетъ брать уроки музыки. Родители воспитанницъ, желающіе, чтобы дочери ихъ были обучаемы означенному предмету, приглашаются заявить о томъ Совѣту, съ представленіемъ въ училище годичной платы, положенной Совѣтомъ за обученіе музыкѣ.

Объ открытіи попечительства. Вслѣдствіе ходатайства благочиннаго, протоіерея Голубева, отъ 27 іюля сего 1879 года за № 159, по опредѣленію пензенскаго епархіальнаго начальства, состоявшемуся 7—22 сего августа, открыто церковное попечительство въ селѣ Козлятскомъ, нижнеломовскаго уѣзда, по случаю предстоящей постройки новой каменной церкви, въ составѣ 13 членовъ, подъ предсѣдательствомъ члена нижнеломовской земской управы, надворнаго совѣтника, Николая Ивановича Попова.

О перемѣнахъ по службѣ. 1) Канцелярскій чиновникъ пензенской духовной консисторіи, коллежскій регистраторъ, Павелъ С. *Покровскій*, согласно прошенію, по опредѣленію епархіальнаго начальства, отъ 20—25 августа сего 1879 года, уволенъ изъ числа чиновниковъ пензенской духовной консисторіи. 2) Окончившій курсъ въ пензенскомъ уѣздномъ училищѣ Владиміръ *Фриновскій*, согласно его прошенію, по опредѣленію пензенскаго епархіальнаго начальства, состоявшемуся 14—24 августа сего 1879 года, опредѣленъ въ штатъ канцелярскихъ служителей пензенской духовной консисторіи. 3) Состоящій въ качествѣ вольнонаемнаго канцелярскаго служителя консисторіи, окончившій курсъ въ пензенскомъ духовномъ училищѣ Сергѣй *Савскій*, согласно прошенію, по опредѣленію пензенскаго епархіальнаго начальства, состоявшемуся 11—24 августа сего 1879 года, опредѣленъ писцомъ 2-го разряда пензенской духовной консисторіи.

ПЕРЕЧНЕВАЯ ВѢДОМОСТЬ

о движеніи дѣлопроизводства по пензенской духовной консисторіи, за іюль мѣсяцъ 1879 г.

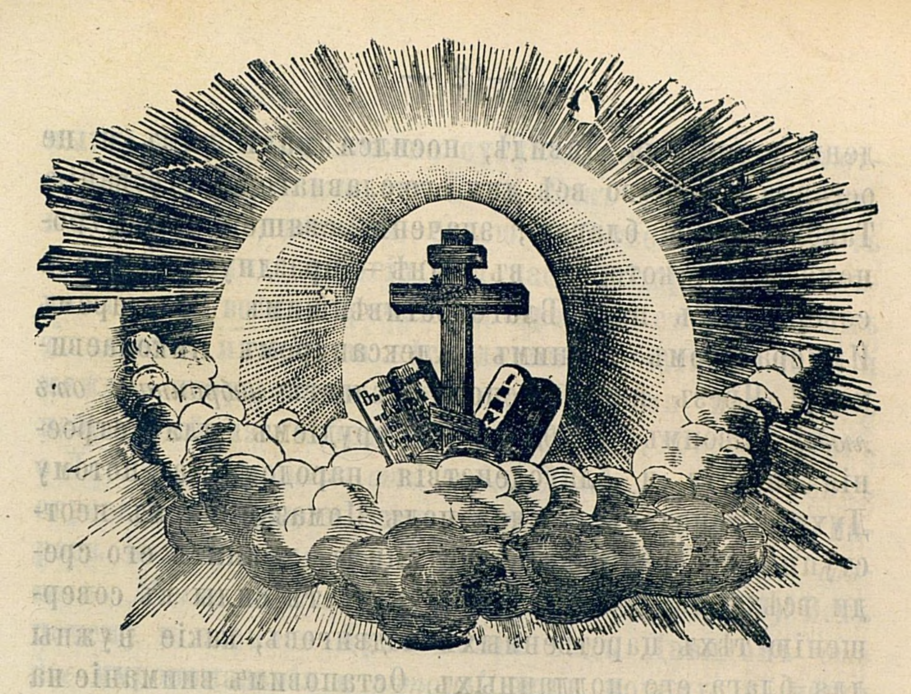
	Оставалось къ 1-му іюля 1879 г.	Изъ нихъ окончено.	Въ іюлѣ поступило.	Изъ нихъ окончено.	Осталось къ 1-му августа 1879 года. Дѣлъ предшедшихъ годовъ.	Дѣлъ 1879 года.	Итого.
Распорядительныхъ . . .	66	5	23	19	17	48	65
Хозяйственныхъ	18	—	—	—	10	8	18
Слѣдственныхъ и судныхъ.	50	10	11	2	8	41	48
Итого	134	15	34	21	35	97	132
Въ числѣ неоконченныхъ дѣлъ состоитъ:							
За присутствіемъ консисторіи	—	—	—	—	4	2	6
„ канцеляріею	—	—	—	—	1	3	4
„ подвѣдомыми мѣстами и лицами	—	—	—	—	15	60	75
„ прочими мѣстами и лицами	—	—	—	—	15	32	47

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1879 г. было: входящихъ бумагъ 318, журнальныхъ статей 109, протоколовъ 60 и исходящихъ бумагъ 528.

Редакторы, преподаватели семинаріи: { А. Поповъ. Н. Смирновъ.

Дозволено ценз. Пенза, 15 сентября 1879 г. Цензоръ, ректор. сем., прот. С. Масловскій

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 сентября. № 18. 1879 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

въ день священнаго вѣнчанія и муропомазанія Благочестивѣйшаго Императора Александра Николаевича.

И ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ дне того и потомъ (1 Цар. XVI, 13).

Когда св. пророкъ Самуилъ помазалъ Давида на царство во Израили, съ того времени Духъ Госпо-

день почилъ на Давидѣ, носился надъ нимъ и не оставлялъ его во всѣ дни его славнаго царствованія. Таково, слуш. благоч., значеніе священнаго мѵропомазанія, которое въ нынѣ—празднуемый день совершилось надъ Благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ нашимъ Александромъ Николаевичемъ! Чрезъ него Господь дѣлаетъ *избраннаго отъ людей* Своимъ особеннымъ орудіемъ для устроенія счастія и благоденствія народовъ; а потому Духъ Господень, носясь надъ Помазанникомъ неотступно, всегда пребывая съ нимъ, хранитъ его среди всѣхъ опасностей жизни и даетъ силы къ совершенію тѣхъ царственныхъ подвиговъ, какіе нужны для блага его подданныхъ. Остановимъ вниманіе на сихъ утѣшительныхъ мысляхъ.

Извѣствуяй насъ съ вами во Христѣ и помазавый насъ Богъ: Иже и запечатлѣ насъ, и даде обрученіе Духа въ сердца наша (2 Кор. 1, 21), говоритъ св. апостолъ Павелъ, раскрывая значеніе мѵропомазанія для всѣхъ христіанъ. Такимъ образомъ мѵропомазаніе есть *печать*, которую налагаетъ Богъ на помазуемомъ. Она означаетъ, что мѵропомазанный со дня принятія сего таинства становится исключительною собственностію Бога, Его особеннымъ достояніемъ, удѣломъ. Присемъ ему дается *обрученіе*, т. е. *залогъ*, залогъ особеннаго о немъ попеченія Божія, и этотъ залогъ есть Духъ Святый.

Надъ всѣми нами, православные христіане, совершилось святое мѵропомазаніе; а потому и всѣ мы составляемъ *родъ избранъ*, *царское священіе*, *языкъ святъ* (1 Петр. 11, 9). Но какъ надъ царемъ оно повторяется; то это значитъ, что царь есть избранный изъ избран-

ныхъ; на немъ положена сугубая печать, ему даются особенные *залоги* отъ Бога. Какъ между вещами, которыя мы считаемъ своею собственностію, есть вещи особенны дорогія для насъ, которыя мы отдѣляемъ отъ всѣхъ прочихъ и хранимъ съ особеннымъ тщаніемъ, иногда за нѣсколькими печатями: такъ и между избранными людьми Божіими царь есть избранный изъ избранныхъ. *Вознесохъ*, говоритъ Богъ о Давидѣ, *избраннаго отъ людей Моихъ*, т. е. отъ всѣхъ евреевъ, которые и сами составляли избранный народъ Божій: *обрѣтохъ Давида раба Моего, елеемъ святымъ Моимъ помазахъ его* (Псал. 88, ст. 20—21)! Вотъ почему и носился Духъ Божій надъ Давидомъ *отъ дне* мνропомазанія *и потомъ!* вотъ почему и наши православные цари русскіе, пріемля мνропомазаніе, становятся особеннымъ удѣломъ Божіимъ, хранимымъ подъ осѣненіемъ Духа Святаго!

Какъ велико посему, слушат. благочест., званіе царя православнаго! Не даромъ народъ русскій называетъ царя своего земнымъ богомъ: Самъ Духъ Святый усвояетъ царямъ такое святое имя: *Азъ рѣхъ бози есте и сынове Вышняго* (Псал. 81, ст. 6). Какъ имя царя прежде всего и по преимуществу принадлежитъ Богу, *Царю небесному;* такъ и самое имя *Богъ* Царь небесный уступаетъ царямъ земнымъ въ знакъ особенной ихъ близости къ Нему, особеннаго о нихъ благоволенія,—въ знакъ того, что чрезъ нихъ Онъ изрекаетъ о людяхъ Свой судъ и правду, какъ говоритъ Писаніе: *Богъ ста въ сонмѣ боговъ, посредѣ же боги разсудитъ* (Псал. 81, ст. 1), Вотъ почему вмѣстѣ съ священнымъ помазаніемъ царь пріемлетъ и вѣнецъ на главу свою. *Господи, силою Твоею возвеселится*

царь, говоритъ Псалмопѣвецъ,—*яко предварилъ еси его благоволеніемъ благостыннымъ, положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна* (Псал. 20 ст. 1, 4).

Какъ утѣшительны эти мысли для насъ, торжествующіе сыны Россіи, при видѣ тѣхъ опасностей, которые столько разъ угрожали жизни обожаемаго монарха нашего! Адъ въ вѣчной злобѣ и ярости своей на все благое и святое выпустилъ изъ нѣдръ своихъ толпу безумцевъ для разрушенія хранилища святой вѣры и благочестія, любезнаго отечества нашего: и посланники ада, къ ужасу многомилліоннаго народа, не разъ дерзали поднимать убійственныя руки на Помазанника Господня, Благочестивѣйшаго Царя нашего. Но и надъ нашимъ Помазанникомъ сбылось то, что сказалъ Господь о помазанникѣ Давидѣ: *елеемъ святымъ Моимъ помазахъ его. Рука Моя заступитъ его и мышца Моя укрѣпитъ его, и ничто же успѣетъ врагъ на него, и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его* (Пс. 88, ст. 21—23). Съ священнымъ мѵропомазаніемъ лице царя, какъ исключительная собственность Божія, какъ удѣлъ и образъ Его, какъ святыня, становится *неприкосновеннымъ*. Въ слухъ всѣхъ земнородныхъ возвѣстилъ о семъ Господь, когда сказалъ чрезъ пророка—царя: *не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ* (Псал. 104, 15); кто коснется ихъ, дерзнетъ возстать на нихъ, тотъ коснется, тотъ возстанетъ противъ Самого Бога; *касайся ихъ, яко касайся въ зеницу ока Господня*, говоритъ пророкъ Захарія (2, 8). Посему безсильна злоба посланниковъ ада. Какъ дымъ, какъ паутина разсѣются всѣ злыя умышленія ихъ; они не успѣютъ во злѣ; *Живый на небесѣхъ посмѣется имъ, и Господь поругается имъ* (Пс. 2 ст. 4).

Многократно повторявшееся чудо спасенія жизни Благочестивѣйшаго Царя нашего, вопреки всѣмъ разсчетамъ злодѣевъ, вопреки всякому вѣроятію человѣческому, да увѣритъ ихъ въ томъ. Но нечестивые отверженцы земли и неба! они не вѣруютъ суду Божію; но *ихъ судъ искони не коснитъ, и погибель ихъ не дремлетъ* (2 Пет. 2, 3). Ибо, если Господь положилъ клеймо вѣчнаго отверженія и проклятія на Каина—братоубійцу; если въ законѣ своемъ осуждаетъ на смерть всякаго сына, дерзающаго оскорблять отца или матерь (Лев. 20, 9): то какихъ смертей достойны изверги, посягающіе на жизнь Отца отечества, Помазанника Божія, представляющаго на землѣ лице и власть Самого Бога,—святотатственно *касающіеся* зеницы ока Господня? Такъ, *вѣстъ Господь благочестивыя отъ напасти избавляти, неправедники же на день судный мучимы блюсти* (2 Пет. 2, 9)! Мы же, вѣрные сыны Россіи, возблагодаримъ, вѣчною благодарностію возблагодаримъ Бога за то, что Онъ далъ Царю нашему Духа Святаго Своего, и сей Духъ выну носится надъ Нимъ, блюдетъ и хранитъ Его.

Но обратимся еще разъ къ святому мѵропомазанію Царя. Пріемля царя чрезъ св. мѵропомазаніе въ свою особенную, исключительную собственность, ограждая его неприкосновенность силою Духа Святаго и грознымъ словомъ—*не прикасайтеся*, Господь въ то же время даетъ ему особенные дары, особенныя силы для совершенія его многотруднаго служенія. Внѣшнее дѣйствіе мѵропомазанія въ семъ случаѣ означаетъ приготовленіе къ борьбѣ и подвигамъ: такъ въ древности, выходя на ристалища и публичныя игры ратоборства, борцы намазывались елеемъ.

Но это внѣшнее значеніе есть только символъ, указаніе тѣхъ внутреннихъ духовныхъ силъ, которыми вооружаетъ Господь Своего помазанника на предлежащій ему подвигъ.

Великъ подвигъ Русскаго Царя! Взоръ Его обнимаетъ обширнѣйшую въ свѣтѣ монархію, Его уму открыты хижины земледѣльца и рыбачьи шалаши, равно какъ и великолѣпные чертоги богачей: и вездѣ и всѣ, многія милліоны подданныхъ, отъ Его мудрости ожидаютъ безопасности, довольства, счастія. Ему нужно сердце, способное обнять необозримое поле скорбей и страданій человѣческихъ, чтобы своими царскими щедротами осушать повсюду льющія рѣки человѣческихъ слезъ. Ему нужны мужество и силы, чтобы всюду предупреждать, пресѣкать, истреблять сѣмена зла, подавлять раздоры и крамолы, обуздывать своеволіе и буйство, и насаждать, возращать, охранять добро и добродѣтель. Ему нужна неусыпная бдительность надъ охраненіемъ вѣры и Церкви, надъ правосудіемъ законовъ и судей, надъ честностію каждаго гражданина, надъ правильностію вѣсовъ, мѣръ и счетовъ, надъ умноженіемъ просвѣщенія, цѣлостію и неповрежденностію науки. Мало того, взоръ Его простирается далѣе, за предѣлы отечества, чтобы ограждать миръ, спокойствіе и безопасность нашу отъ внѣшнихъ враговъ, чтобы обезоруживать зависть и козни недоброжелателей, чтобы высматривать и усвоять доброе и полезное и преграждать пути тайно ползущаго зла. Столько бремени должны понести священныя рамена царскія! Какія же нужны для сего силы?.. И эти-то силы подаетъ Ему Духъ Святый, выну почивающій

на Немъ со дня священнаго мѵропомазанія. Онъ озаряетъ Его умъ сугубымъ свѣтомъ вѣдѣнія и премудрости; Онъ согрѣваетъ и расширяетъ Его сердце сугубою любовію къ человѣчеству; Онъ укрѣпляетъ Его волю тою твердостію въ добрѣ, объ которую сокрушаются всѣ козни зла и людской злобы.

Много потребовалось бы, слуш., для насъ времени и труда, чтобы изобразить хотя въ блѣдной картинѣ, какъ могущественно со дня мѵропомазанія открылась въ Благочестивѣйшемъ Царѣ нашемъ благодатная сила Духа Святаго. Его дѣянія, равно великія въ дѣлахъ войны и мира съ иностранными державами, Его преобразованія по всѣмъ частямъ государственной жизни, умноженіе и распространеніе просвѣщенія, свобода слова и печати, улучшеніе законовъ, новый судъ—правый и скорый, самоуправленіе земства и городовъ, улучшеніе быта всѣхъ сословій въ государствѣ, дарованіе свободы и правъ гражданства многимъ милліонамъ дотолѣ утѣсненныхъ и безправныхъ людей, преобразованіе арміи и военной силы, подавленіе крамолы, не разъ возникавшей изъ темныхъ нѣдръ нечестія и злобы, замиреніе дикихъ и немирныхъ племенъ Кавказа, Туркестанъ и Самаркандъ, Амуръ и Хива, и наконецъ то, что составляло предметъ двухвѣковыхъ усилій Россіи, подавленіе гидры исламизма и свобода христіанскихъ славянскихъ племенъ отъ многовѣковаго, тяжкаго и постыднаго рабства,—о, кто не изумится предъ этими великими дѣлами! Неизгладимыми чертами они написаны на сердцахъ осмидесятимилліоннаго народа и запечатлѣны глубокою любовію къ Помазаннику Божію, истинному Отцу отечества, Ца-

рю—Освободители и Благодѣтелю; а исторія изобразитъ ихъ золотыми буквами на своихъ страницахъ въ вѣчное поученіе народамъ и царямъ, какъ велика сила Божія, когда она осѣняетъ достойную главу царя вѣрнаго закону евангельскому и обѣтамъ царства.

Возблагодаримъ, слуш. благоч., Бога, оправдавшаго надъ нами царствовати Благочестивѣйшаго Императора Александра Николаевича, облекшаго Его силою Святато Своего Духа и даровавшаго Ему крѣпость и силу къ совершенію дѣлъ столь великихъ и славныхъ на радость и блаженство вѣрнаго вѣрѣ отцевъ православнаго народа русскаго. *Слава Тебѣ Богу, благодателю нашему во вѣки.* Аминь.

Прот. **Іаковъ Бурлуцкій.**

СЛОВО

въ день тезоименитства Его Императорскаго Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича.

Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ (Матѳ. V, 10).

Этими словами Господь и Спаситель нашъ указываетъ на нравственныя качества, желательныя отъ каждаго христіанина въ жизни, и опредѣляетъ ихъ вліяніе на окружающихъ насъ людей. Слова Господа имѣютъ слѣдующее значеніе: „пусть ваша вѣра, ваша добродѣтельная жизнь, ваше чистое

исповѣданіе вѣры будутъ видимы и извѣстны всѣмъ и вездѣ, во всякомъ положеніи общественномъ, на всѣхъ должностяхъ, дома и внѣ его, въ счастіи и въ несчастіи, въ богатствѣ и въ бѣдности: чрезъ это будетъ прославляться имя Божіе всѣми, видящими ваши добрыя дѣла *). Эти слова Евангелія умѣстно привести намъ на память себѣ и усвоить ихъ значеніе въ приложеніи къ собственной нашей жизни нынѣ въ день церковнаго и гражданскаго торжества, когда святая Церковь призвала насъ вознести усердную молитву къ Богу нашему за Августѣйшихъ Имянинниковъ, а вмѣстѣ и напомнить намъ наши обязанности въ отношеніи къ Церкви и отечеству.

Господь нашъ повелѣваетъ, чтобы свѣтъ *нашъ*,—нашей христіанской жизни—свѣтилъ всѣмъ, привлекалъ къ истинѣ и добру всѣхъ, указывалъ путь къ добродѣтели и направлялъ на оный всѣхъ, насъ окружающихъ людей. Такимъ образомъ всѣ мы, христіане, каждый на своемъ мѣстѣ, обязаны назидать и руководить другихъ людей къ тому, *что*, по слову св. Апостола Павла, *только истинно*, *что честно*, *что справедливо*, *что чисто*, *что любезно*, *что достославно*, *что только добродѣтель и похвала* (Филипис. 4, 8), что низводитъ на человѣка и на цѣлое общество людей свыше *миръ Божій*. Обязанность—достойная христіанина, а вмѣстѣ и высокая, требующая вниманія при исполненіи ея. Правда, въ послѣднее время, при общемъ всѣхъ стремленіи къ просвѣщенію, стали всѣ говорить о великой важности, несомнѣнной пользѣ и благотворномъ вліяніи просвѣ-

*) Михаила, Толковое Евангеліе т. 1. стр. 73.

щенія на народъ и каждаго въ отдѣльности человѣка,—говоритъ, что просвѣщеніе въ состояніи научить, развить и дать доброе направленіе мысли и волѣ человѣка, а стало быть и содѣйствовать нравственному обновленію и преуспѣянію отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ. Забота о просвѣщеніи подростающихъ поколѣній вызываетъ въ обществѣ слово и въ пользу усиленія просвѣщенія религіознаго. Забота естественная, вполнѣ достойная общества православнаго. Просвѣщеніе дастъ знанія, разовьетъ мысль, расширитъ взглядъ человѣка на природу и людей, пробудитъ чувство нравственнаго достоинства. Но дастъ ли оно живые образцы, воплощающіе мысль и волю въ добромъ, христіански—нравственномъ дѣлѣ, показывающіе самымъ дѣломъ, что то, чему учатъ словомъ, что преподаютъ, все это удобоисполнимо для слабыхъ силъ каждаго человѣка, какъ и для всѣхъ вообще людей, что это спасительно? Это мощное вліяніе на сердца и исправленіе образа жизни людей оказываетъ, преимущественно предъ словомъ, примѣръ истинно-христіанской жизни,—примѣръ, вліяніе котораго неизмѣримо выше, неотразимѣе и могущественнѣе, нежели вліяніе слова, иногда и не согрѣтаго любовію, не выражаемаго добрыми дѣлами. Поэтому Господь и говоритъ въ Евангеліи: *иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Мѳ. V), обѣщая высшую награду тому изъ трудящихся для блага ближнихъ, кто не словомъ только, а преимущественно примѣромъ собственной жизни научаетъ другихъ истинѣ и добру, хотя не лишаетъ похвалы и наставляющаго другихъ только словомъ. И самъ Господь

и Спаситель нашъ, вышедши на проповѣдь евангелія, *начатъ творити и учити* (Дѣян. 1), полагая примѣръ святѣйшей жизни своей лучшимъ и убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ возможности для всѣхъ людей слѣдовать Его божественному ученію и свято исполнять оное.

Конечно, научать и воспитывать другихъ примѣромъ жизни труднѣе, нежели учить словомъ. Для того, чтобы учить другихъ словомъ, требуется приготовленіе, состоящее въ усвоеніи тѣхъ знаній, кои подлежатъ сообщенію, и умѣніе передать познанное другимъ удобопонятно. Но для того, чтобы учить другихъ примѣромъ жизни христіанской, необходимо усвоить и воспитать въ себѣ искреннюю и глубокую вѣру въ Бога, нелицемѣрную любовь къ Нему, всецѣлую преданность волѣ Божіей и совершенное самоотверженіе, а иногда даже и самопожертвованіе для дѣла Божія. Но за то какъ велики и важны были бы и послѣдствія такого просвѣщенія для всѣхъ насъ окружающихъ людей въ самой жизни.

Примѣръ христіанской жизни одного лучше и благотворнѣе дѣйствуетъ на другихъ, окружающихъ его людей, чѣмъ слово: жизнь научаетъ истинному и доброму нагляднѣе и осязательнѣе. Жизнь добродѣтельнаго дѣйствуетъ непосредственно на сердце и совѣсть, которыя легче воспринимаютъ все истинное, доброе и прекрасное, и удобнѣе развиваются. Поэтому люди, окружающіе добродѣтельнаго, даже незамѣтно для себя самихъ, усвояютъ расположеніе къ добру, увлекаются имъ, отвыкаютъ отъ привычекъ и образа жизни, несогласныхъ съ добромъ и истиною. Онъ возбуждаетъ любовь къ истинѣ, кото-

рая сдѣлала его самого добрымъ, любовь къ добру, желаніе истиннаго счастія, которымъ онъ такъ преисполненъ; и такимъ образомъ просвѣщаетъ другихъ чрезъ возбужденіе въ нихъ стремленія подражать ему, уподобиться ему.

Вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ добродѣтельной, христіански-нравственной жизни одного человѣка пробуждаетъ въ окружающихъ его сознаніе возможности и имъ быть добрыми, вѣру въ силы человѣка, надежду на помощь Божію, стремленіе побѣждать всѣ препятствія на пути добра, возможность исправленія и обновленія нравственнаго. Образцы добродѣтельной жизни подвижниковъ и угодниковъ Божіихъ возбуждаютъ стремленіе подражать имъ, даже вызываютъ желаніе путешествовать къ мѣстамъ ихъ подвиговъ, и тамъ воспріять силу и научиться отъ нихъ побѣждать злое и преуспѣвать въ добрѣ. Свѣтъ святой ихъ жизни и по прошествіи столѣтій освѣщаетъ путь жизни всѣхъ, желающихъ подражать имъ.

Скажемъ болѣе: примѣръ добродѣтельной жизни оказываетъ вліяніе даже и на устроеніе и укрѣпленіе добрыхъ нравовъ и порядка жизни общественной. О нѣкоторыхъ святыхъ мужахъ ветхозавѣтныхъ св. апостолъ Павелъ говоритъ, что они *вѣрою побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ, угашали силу огня, избѣгали острія меча, прогоняли полки чужихъ* (Евр. 11). Свѣтъ ихъ вѣры и добродѣтельной жизни, просвѣщая ихъ окружающихъ, заставлялъ послѣднихъ подчиняться имъ, слушать ихъ, исполнять слово ихъ. Слово ихъ было со властію.

Таково вліяніе примѣра христіански-нравственной жизни,—вліяніе воспитывающее, просвѣщающее и руководящее только къ добру.

Воспитывать и руководить примѣромъ жизни можетъ каждый членъ общества, каждый гражданинъ, возбуждая въ окружающихъ его согражданахъ любовь къ Церкви и отечеству, вѣрность и преданность престолу, стремленіе сообразоваться съ законами и порядкомъ жизни общественной. Вліяніе примѣра нашей, сообразной съ ученіемъ Евангелія, жизни въ состояніи оказать услугу обществу большую, чѣмъ вліяніе слова, иногда не выслушиваемаго съ должнымъ вниманіемъ, иногда производящаго колебанія, сомнѣнія въ служащихъ. Нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, умѣстно сказать о важности и вліяніи примѣра нашей жизни на поддержаніе порядка въ жизни общественной и домашней, въ виду той тревоги, которая была поднята людьми, устремившимися на разрушеніе существующаго порядка жизни семейной, общественной и религіозной, на попраніе власти и закона, на уничтоженіе всего святаго и священнаго для насъ. Темныя дѣла этого преступнаго общества людей (они называютъ себя соціалистами) пріостановлены энергическимъ законнымъ преслѣдованіемъ правительства; отысканные преступники понесли должное наказаніе. Но общество тогда только можетъ сознавать это дѣло конченнымъ ко благу государства, а себя спокойнымъ, когда увидитъ, что возобновленію подобныхъ преступныхъ шаекъ, возникновенію ряда дерзкихъ покушеній на разрушеніе порядка и закона положена достаточно твердая преграда; и, еще далѣе, что

молодое поколѣніе, менѣе опытное въ различеніи людей и ихъ намѣреній, не будетъ увлекаемо въ составъ такихъ обществъ. Усиленіямъ и мѣрамъ правительства содѣйствіе общества здѣсь не только не будетъ излишне, но и существенно полезно. Нравственная поддержка правительству со стороны общества—это лучшее ручательство къ успѣшному достиженію цѣли,—къ упроченію безопасности, къ внутреннему и внѣшнему благосостоянію. Православное русское общество всегда помогало правительству въ особенности въ годины общественныхъ бѣдствій. И нынѣ нравственная поддержка со стороны общества правительству въ пресѣченіи возникшаго зла и направленіи всѣхъ силъ общественныхъ на дѣятельность зиждущую и полезную, (а не разрушительную и вредную), для общества будетъ заслугою. И общество въ силахъ содѣйствовать упроченію благоденствія государства чрезъ посредство слова и въ особенности примѣра своего. Примѣръ нашей христіанской жизни, нашей заботы о благѣ Церкви и отечества, отрезвляющимъ образомъ можетъ подѣйствовать даже на тѣхъ, кои имѣли слабость и несчастіе сбиться съ пути законности и порядка, охладѣть къ Церкви и отечеству. Видя нашу христіанскую жизнь и они проснутся бы отъ нравственнаго усыпленія, въ которомъ находятся. *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки*, повторилъ слова Господа, *яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ.* Аминь.

Свящ. Григорій Соколовъ.

Еврейскіе пророки и языческія прорицалища *).

Данное нами опредѣленіе вдохновеннаго состоянія пророковъ во время откровеній нисколько не теряетъ своего общаго значенія для всѣхъ пророковъ, призванныхъ къ пророческому служенію по добровольному ихъ согласію, даже

1) въ виду тѣхъ дѣйствій Духа Божія на духъ Саула и Валаама, во время которыхъ означенные пророки были какъ-бы невольными исполнителями воли Божіей. Изъ Библіи извѣстно, что эти пророки злоупотребили своимъ истиннымъ назначеніемъ, проповѣдывать только угодное Господу, быть Его друзьями (преданными Ему одному). Быт. XX, 7). Первый, подкупленный дарами Валака, сперва дерзнулъ требовать у Бога соизволенія на путешествіе къ этому царю, хотя уже и зналъ напередъ противную сему волю Божію **), потомъ просилъ у Бога позволенія проклясть покровительствуемый Имъ народъ, открывъ и слабую сторону сего народа его врагамъ,—второй хотѣлъ погубить одного изъ пророковъ (1 Цар. XIX, 20), но Господь, желая показать имъ истинное ихъ назначеніе, направляетъ ихъ умъ и волю Свою для исполненія цѣлей Божіихъ. Такъ, Валаама Онъ побуждаетъ пророчествовать противъ своей воли, ибо Духу Божію благоугодно было благословить евреевъ тѣми устами, которыя говорились изречь на нихъ проклятіе (Числ. XXII, 6). Саулъ самъ сталъ проро-

*) Окончаніе. См. № 17.

**) Начертаніе Церковно-библейской Исторіи митроп. Филарета, стр. 136.

чествовать, когда приблизился къ хору пророковъ, ибо онъ хотѣлъ погубить одного изъ сихъ пророковъ (1 Цар. XIX, 20). Эти два случая дѣйствія Духа Божія на духъ Валаама и Саула аналогичны съ тѣми многочисленными дѣйствіями Божіими, въ которыхъ Богъ, къ нашему же благу, иногда невольно отвлекаетъ насъ отъ дурныхъ дѣйствій и поступковъ. Но какъ всѣ вообще случаи эти не подрываютъ того общаго положенія, что Богъ, направляя дѣйствія людей къ выполненію своей воли, не нарушаетъ тѣмъ свободы человѣческой, такъ въ частности и два примѣра невольнаго пророчества Валаама и Саула нисколько не опровергаютъ того, что тѣ пророки, которые не злоупотребляли своимъ назначеніемъ и строго исполняли волю Божію,—во время пророческаго вдохновенія обладали въ полной мѣрѣ и свободою и сознаніемъ.

2) въ виду тѣхъ мѣстъ изъ книги пророка Даніила (Дан. VIII, 27; X, 8—10), гдѣ пророкъ выказалъ во время видѣній слабость и изнеможеніе. Слабость происходила отнюдь не изъ экстатическихъ свойствъ состоянія, какъ это стараются объяснить нѣкоторые, но глубокое истощеніе силъ пророка (Дан. X, 8—10) было единственно слѣдствіемъ необычайности самаго явленія, а не органическаго разстройства, какъ это было съ мантиками, которыхъ классическіе писатели и называли не безъ причины, rapidi insani vates, опредѣляя этимъ психическое состояніе мантиковъ во время ихъ экстаза (одушевленія). Что слабость (истощеніе силъ пророка) дѣйствительно была слѣдствіемъ необычайности самаго явленія, это ясно доказывается тѣмъ, что изнеможеніе поверг-

шее Даніила на землю, не предшествовало самому видѣнію, но слѣдовало за нимъ, т. е. изнеможеніе не было состояніемъ, въ которомъ воспринято видѣніе, но только слѣдствіемъ его.

Вдохновеніе пророковъ, какъ состояніе психически высокое, во время котораго всѣ силы духа пророковъ достигали высшей ступени развитія и дѣйствовали въ полнѣйшей гармоніи, всегда признаваемо было отцами Церкви, и поставлялось въ противоположность мантическому вдохновенію, лишающему человѣка всякаго пониманія, смысла и сознанія. Такъ св. отцы и учители VI-го вѣка не только ясно учатъ о богодухновенности священныхъ писателей, какъ о непосредственномъ и положительномъ дѣйствіи на нихъ Духа Святаго, но съ такою же ясностію и рѣшительностію говорятъ и о томъ, что это дѣйствіе происходило при извѣстнаго рода соучастіи самихъ же писателей, которые, по ихъ представленію, не были слѣпыми и механическими орудіями, а какъ существа разумносознательныя принимали откровенія Св. Духа, и сознательно принимая ихъ, съ тою же сознательностію и сами усвояли ихъ и другимъ передавали, какъ уже пересознанное и усвоенное ими самими. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно разсужденіе св. Василія Великаго. Указавши на то, что собственно дѣлало пророковъ способными къ дѣйствіямъ на нихъ Св. Духа, а именно, на неомраченность въ нихъ нечистотами грѣховными того, что составляетъ владычественное (ηγεμονικον) въ душѣ, а также на чистоту души, дѣлающую ее способною къ отраженіямъ въ себѣ Духа, онъ такъ продолжаетъ далѣе: „нѣкоторые говорятъ,

что они (пророки) пророчествали въ изступленіи, такъ что человѣческій умъ былъ затмѣваемъ Духомъ. Но противно самому посланническому назначенію божественнаго наитія богодухновеннаго дѣлать изступленнымъ (εὔφρονα) такъ, чтобы онъ, когда исполняется божественныхъ наставленій, выходилъ изъ свойственнаго ему разума, и когда приноситъ пользу другимъ, самъ не получалъ никакой пользы отъ собственныхъ своихъ словъ. И вообще, сообразно-ли сколько нибудь съ разумомъ, чтобы Духъ премудрости дѣлалъ кого-либо подобнымъ лишенному ума, а Духъ вѣдѣнія лишалъ разумности? Свѣтъ не производитъ слѣпоты, а напротивъ возбуждаетъ умъ, очищаемый отъ грѣховныхъ скверпъ, къ созерцанію мысленнаго" *). Съ неменьшею твердостію и рѣшительностію возставалъ и св. Епифаній противъ того ложнаго представленія о пророкахъ, будто они во время вдохновенія находились въ безсознательномъ и чисто страдательномъ состояніи, не сознавая ясно ни себя, ни того, что имъ открывалось, а только механически передавая чрезъ себя говоренное въ нихъ Духомъ Святымъ. По Епифанію, характеристическую черту истинныхъ пророковъ собственно и составляетъ то, что они при дѣйствіи на нихъ Св. Духа, „сохраняли совершенно здравую мысль, а также способность къ наученію и разсужденію" **) Подобно св. Василію Великому и Епифанію, блаж. Іеронимъ съ особенною силою высказывается противъ мнѣнія, будто-бы лица, вдохновляемыя Духомъ

---

*) Васил. Велик., Толкованіе на кн. пр. Исаіи.

**) Епиф., Противъ ересей кн. II-я.

Святымъ, должны были находиться въ состояніи изступленія, соединеннаго съ потерею сознанія и воли. Пророки, по блаж. Іерониму, обладали полнымъ присутствіемъ духа и сознаніемъ, а не возвѣщали своихъ рѣчей, какъ съ безумными женщинами бредилъ Монтанъ, въ состояніи изступленія, такъ чтобы не знали того, что говорили и, уча другихъ, не знали, чему учили *). Ту же мысль, но еще болѣе сильно высказываетъ Златоустъ. Сравнивая пророчество съ мантикой, св. Златоустъ находитъ между ними громадное различіе, которое и выразилось въ ихъ названіяхъ. Въ понятіи мантика заключается понятіе человѣка, находящагося въ ненормальномъ состояніи, лишеннаго сознанія, человѣка, находящагося въ бѣшено-экстатическомъ состояніи, отсюда и самое названіе его *мантикъ* (μαντη отъ μαινομαι—*бѣснуюсь, нахожусь въ ненормальномъ состояніи духа*), Напротивъ προφητης—по общему и первому значенію есть *ораторъ*, изрекающій истины, и, какъ таковой, сохраняетъ здравое сознаніе и умственное спокойствіе. „Поэтому мантикамъ свойственно выходить изъ себя, подчиняться необходимости, приходить въ неестественное движеніе, судорожно передергиваться, подобно бѣшеному человѣку; не таковъ пророкъ: онъ говоритъ съ яснымъ сознаніемъ и спокойствіемъ, зная, что говорить“ **).

Выяснивъ существенныя черты пророческаго вдохновенія и показавъ его отличіе отъ экстаза языче-

---

**) Блаж. Іеронима. Толкованіе на кн. пророка Исаіи,—введеніе.

**) Бес. 29 на 1 посл. Коринө.

скихъ прорицателей, заключимъ это указаніе различія между вдохновеніемъ пророковъ и мантиковъ краткимъ повтореніемъ всего сказаннаго. Изъ сказаннаго выше мы видѣли, что пророческое вдохновеніе не имѣетъ ничего общаго съ экстазомъ языческихъ прорицателей. Пророческое вдохновеніе пророковъ еврейскаго народа является совершенно съ противоположнымъ характеромъ. Мы видѣли, что характеръ дѣятельности и условія, при какихъ происходили языческія предсказанія, невольно заставляютъ предполагать въ греческихъ провидцахъ проявленіе особеннаго патологическаго состоянія нервной системы. Самые оракулы устроялись при извѣстныхъ мѣстахъ, которыя убусловливали собою дѣйствія пророчества. Извѣстно, что воды Кастальскаго источника, какъ и пещеры въ Додонѣ, имѣли особенныя свойства, дѣйствовавшія на нервную систему; думаютъ, что онѣ наполнены были углекислымъ газомъ. Извѣстно также, что пиѳія садилась на треножникъ, подъ которымъ курились наркотическія вещества. Видѣли также, что Цицеронъ въ книгѣ: „De divinatione“ состояніе прорицателей характеризуетъ терминами: furor и dementia. Иногда къ этому примѣшивалось и дипломатика жрецовъ, которые чрезъ пиѳію давали свои извѣстные двусмысленные отвѣты. Слѣдовательно, мантическій экстазъ имѣлъ свои первоначальныя причины въ искусственномъ разстройствѣ тѣла человѣка съ его отправленіями, разстройство которыхъ отзывалось потомъ и на психическихъ силахъ. Пророческое вдохновеніе, предшествуемое иногда музыкою или молитвою и глубокимъ религіознымъ настроеніемъ, получало свое

происхожденіе отъ дѣйствія на духъ человѣка Духа Божія, Который просвѣтлялъ и возвышалъ его способности до высочайшей степени. У мантиковъ въ экстазѣ дѣйствовали, большею частію, низшія способности: инстинктъ и фантазія, у пророковъ преимущественно высшія способности духа: умъ и разсудокъ. Въ моментъ прорицанія, съ одной стороны, въ лицѣ еврейскихъ пророковъ мы видимъ сознательныхъ вѣщателей будущаго, а съ другой, въ лицѣ языческихъ прорицателей—людей, чуждыхъ всякаго сознанія того, что ими говорилось и совершалось въ это время. Этимъ также объясняется, конечно, и то явленіе, что языческій экстатикъ—прорицатель никогда не былъ истолкователемъ собственныхъ своихъ словъ, произнесенныхъ во время экстаза, но всегда мысль и смыслъ влагались въ его слова другими окружавшими его лицами. Но не съ потерею сознанія и воли погружается пророкъ въ состояніе пророческаго вдохновенія, а проявляетъ эти силы въ моментъ его въ еще болѣе возвышенной степени, чѣмъ въ обыкновенномъ состояніи.... Всѣ его высшія духовныя силы въ моментъ пророческаго вдохновенія не стѣснялись въ своихъ отправленіяхъ, какъ то было у прорицателей—экстатиковъ языческихъ, но возвышались и просвѣтлялись въ своей дѣятельности. Мантики, такимъ образомъ, являются существами искусственно низведенными на низшую ступень царства животнаго; пророки—чудесно подняты на высшую лѣстницу въ царствѣ духовномъ; тѣ представляютъ арену для натуральныхъ силъ, эти—сосудъ, избранный для вмѣстилища даровъ Духа Божія; тѣ, будучи живыми, по справедливости могутъ быть на-

званы мертвыми орудіями силъ природы; эти къ естественной жизни получаютъ еще жизнь сверхъестественную.

Заключимъ наше разсужденіе словами ап. Петра: *„имамы извѣстнѣйшее пророческое слово, ему же внимающе яко же свѣтилу сіяющу въ темномъ мѣстѣ, добрѣ творите, дондеже день озаритъ, и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ. Сіе прежде вѣдуще, яко всякое пророчество книжное, по своему сказанію не бываетъ. Ни бо волею бысть когда человѣкомъ пророчество, но отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы* (2 Петра I, 19—21). **А. У.**

Телеологическая идея и матеріализмъ (по Кудрявцеву) *).

Основанія къ признанію цѣлесообразнаго устройства міра двухъ родовъ: эмпирическія и раціональныя. Соответственно этому и возраженія современнаго матеріализма направлены или противъ значенія фактическихъ доказательствъ цѣлесообразности міра или противъ значенія самой идеи цѣли и приложенія ея къ объясненію природы.

1) Возражаютъ, что не только въ природѣ неорганической, но и въ самомъ органическомъ царствѣ есть много предметовъ, которые не представляютъ никакихъ слѣдовъ цѣлесообразности. Для чего, наприм. у человѣка борода, длинные волоса на головѣ, крючковатые ногти на рукахъ? Нецѣлесообразность ихъ уже тѣмъ доказывается, что человѣкъ обрѣзаетъ ихъ, какъ лишнее. Для чего у оленя безполезные для него вѣтвистые рога, у павлина хвостъ и т. п.? Въ природѣ неорганической также есть предметы, разумнаго существованія которыхъ мы не можемъ представить. Но

*) Продолженіе. См. № 17.

частные случаи, гдѣ мы не замѣчаемъ цѣлесообразности, ничего не говорятъ противъ цѣлесообразности вообще, особенно когда рядомъ съ этими явленіями стоитъ множество явленій противоположнаго свойства. Притомъ, если мы не знаемъ цѣли какого либо предмета, то это не даетъ намъ права заключать о совершенномъ отсутствіи ея. Видя, что всѣ органы и части въ организмѣ устроены цѣлесообразно, мы въ правѣ предположить, что и ничтожные, повидимому, придатки, какъ волоса, ногти, имѣютъ какое либо значеніе въ жизненной экономіи, хотя оно и неизвѣстно. Исторія естественныхъ наукъ показываетъ, что значеніе нѣкоторыхъ органовъ, неизвѣстное вначалѣ, потомъ опредѣлялось. Назначеніе наприм. селезенки до сихъ поръ еще составляетъ предметъ спора между физіологами, тѣмъ не менѣе никто не отвергаетъ ея значенія въ организмѣ, важнаго уже потому, что разстройство ея сопровождается разстройствомъ всего организма. Чѣмъ меньше значеніе имѣютъ какія либо части организма, наприм. волоса, ногти, тѣмъ труднѣе указать цѣль ихъ, хотя она и существуетъ.

Многія явленія *кажутся* только безцѣльными, взятыя въ отдѣльности. Многіе органы или части имѣютъ значеніе не въ настоящемъ состояніи организма, но въ его прошедшемъ или будущемъ. Наприм. пуповина, составляющая существенный органъ въ жизни утробнаго младенца, въ послѣдствіи хотя является не нужною, но оставляетъ послѣ себя знакъ на желудкѣ; теперь этотъ знакъ безполезенъ и безцѣленъ, но цѣль его достигнута уже въ прошедшемъ. Что представляется безполезнымъ и безцѣльнымъ теперь, то могло быть нужнымъ когда либо. Точно также нѣкоторыя произведенія природы, которыхъ назначенія мы теперь не знаемъ, могутъ имѣть свою цѣль въ будущемъ организма или природы. Ихъ можно сравнить съ подмостками и лѣ-

сами, нужными при постройкѣ зданія, но излишними по его окончаніи; было бы легкомысліемъ, видя результатъ работъ, считать ненужными и безцѣльными тѣ средства, при помощи которыхъ онъ достигнутъ. Кромѣ того, многіе органы и части могутъ казаться безцѣльными въ смыслѣ безполезности ихъ, но они могутъ имѣть цѣль въ отношеніи красоты. Производительная дѣятельность природы управляется не только идеею пользы, но и красоты. Такъ въ строеніи внутреннихъ частей нашего тѣла все разсчитано, съ строгою экономіею для достиженія органическихъ цѣлей' и эти части не красивы, возбуждаютъ инстинктивное чувство отвращенія; въ строеніи же внѣшнихъ частей господствуетъ законъ симметріи и для выполненія этого закона сдѣлано многое, что не нужно для органической жизни. Съ этой точки зрѣнія получаютъ смыслъ кажущіеся не нужными волоса у человѣка, грива у льва, рога у оленя и проч. Наконецъ нужно замѣтить, что наши знанія о о природѣ въ цѣломъ и ея частяхъ слишкомъ ограниченны, чтобы для насъ была совершенно ясна связь всѣхъ предметовъ и явленій, такъ чтобы мы могли судить о совершенствѣ или несовершенствѣ, разумности или неразумности въ природѣ. Мы не можемъ, наприм., сознательно поставить себя на мѣсто улитки, зоофита, растенія, чтобы сказать, зачѣмъ существуетъ у нихъ тотъ или другой органъ, насколько онъ цѣлесообразно или нецѣлесообразно устроенъ. Еслибы для насъ открылась возможность сдѣлать въ природѣ нѣкоторыя поправки, то всего вѣроятнѣе, что мы передѣлали бы ее не къ лучшему, а испортили бы ее, и природа представила бы собою безпорядочное зрѣлище.

Но, возражаютъ далѣе, въ природѣ встрѣчаются не только явленія, цѣли которыхъ мы не знаемъ, но и явленія прямо безсмысленныя, таково наприм. рожденіе уродовъ. Если

въ природѣ есть разумная цѣль, если эту цѣль приводилъ въ исполненіе высочайшій разумъ, то не понятно, почему бы эта цѣль не была достигнута. Но когда говорятъ, что природа *тогда* не достигаетъ своихъ цѣлей, то не говорятъ ли этимъ самымъ, что въ природѣ вообще есть цѣли? Когда выставляютъ частные случаи нецѣлесообразнаго дѣйствія природы, но не признаютъ ли этимъ, что природа дѣйствуетъ и должна дѣйствовать цѣлесообразно? Когда говорятъ, что человѣкъ въ такомъ-то случаѣ поступилъ не разумно, то не предполагаютъ ли уже этимъ, что у него есть разумъ, въ каковомъ случаѣ только и возможны частныя уклоненія отъ него? Потомъ, если природа производитъ аномаліи и уродства, то природа ли виновата здѣсь? Нѣтъ. Физіологія учитъ, что причиною уродства бываетъ ударъ, давленіе на зародышъ и проч. Природа силилась создать правильный типъ, но встрѣтила препятствія совнѣ и не могла только преодолѣть этого препятствія, какъ сила ограниченная. И у человѣка иногда не удается разумный планъ, если случайно не достанетъ матеріала, или матеріалъ этотъ окажется не надлежащаго свойства. Что природа силится устранить неблагопріятныя внѣшнія условія, при достиженіи своихъ цѣлей, доказательствомъ этого служитъ существованіе такъ-называемой пластической или цѣлительной силы, по которой организмъ можетъ самъ собою возобновлять пораненные члены, заживлять раны, переломы костей и проч. У раковъ, улитокъ, дождевыхъ червей она возобновляетъ цѣлыя важныя части организма. Одна она, безъ содѣйствія лѣкарствъ, исцѣляетъ болѣзни такъ, что средства ею употребляемыя могутъ составлять примѣръ для подражанія наукѣ. Такъ большую часть ядовъ она извергаетъ рвотою; дурные соки, скопившіеся въ организмѣ, выводитъ вонъ сыпью, или нарывами и проч. Правда, природа

не всегда поступаетъ такъ разумно и цѣлесообразно; вмѣсто того, чтобы остановить распространеніе яда отъ укушенія змѣи, организмъ всасываетъ этотъ ядъ; если опіумъ попадаетъ въ желудокъ, то слѣдовало бы поскорѣе освободиться отъ него, а организмъ позволяетъ проникать яду до самой нервной системы. Но всѣ эти факты показываютъ только, что цѣлительная сила природы ограниченна, что точно такъ же, какъ и геніальный врачъ, она не исцѣляетъ всѣхъ болѣзней. Если врачъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поступилъ бы умнѣе, то и природа дѣйствуетъ искуснѣе, наприм. при сращиваніи костей. Наконецъ, сама природа, не смотря на цѣлесообразность своихъ дѣйствій, не есть сила свободная; хотя она дѣйствуетъ по разумнымъ законамъ, но слѣдуетъ имъ безсознательно и неизмѣнно. Если бы непосредственною причиною каждаго дѣйствія природы былъ абсолютный разумъ, само Божество, то, конечно, и одинъ случай, гдѣ дѣйствія этого разума оказались бы неразумными, служилъ бы рѣшительнымъ возраженіемъ противъ абсолютной мудрости и мощи его; но творческая сила самаго Божества не дѣйствуетъ непосредственно, а безсознательно разумная ограниченная сила природы естественно можетъ производить явленія и недоконченныя и неудачныя. Ко всему этому нужно прибавить, что когда говорятъ о цѣлесообразности, то разумѣется цѣлесообразность не абсолютная, а относительная, насколько она возможна при понятіи органиченности міра и физическаго зла.

Не могши не признать цѣлесообразныхъ произведеній природы, матеріалисты утверждаютъ, что онѣ не суть результатъ плана или причины конечной, но дѣйствіе слѣпой необходимости. То или другое происходитъ не *для того*, чтобы отсюда что нибудь вышло, но только *потому*, что явленіе его условливается предыдущими причинами. Птица

не *для того* имѣетъ крылья, чтобы летать, рыба—плавни, чтобы плавать, но *потому* первая лѣтаетъ, что имѣетъ крылья, а послѣдняя потому плаваетъ, что имѣетъ плавни. Но здѣсь предполагается, и совершенно не вѣрно, что если предметъ происходитъ *отъ чего* нибудь, то уже не можетъ происходить *для чего* нибудь; понятіе цѣли не исключаетъ понятія причины; предметъ можетъ происходить отъ чего нибудь и въ то же время для чего нибудь. Нелѣпо было бы утверждать, что мастеръ строитъ телѣгу не съ тою цѣлію, чтобы ѣздить, но потому и ѣздитъ, что имѣетъ телѣгу,— что мы заказываемъ платье не съ тою цѣлію, чтобы носить, но потому и носимъ, что имѣемъ его. Здѣсь то и другое вѣрно,—и то, что мы заказываемъ платье, чтобы носить, и поэтому носимъ, что имѣемъ его. Доводы матеріалистовъ имѣли бы больше основательности, еслибы они успѣли доказать, что *случайное* происхожденіе органа вызвало цѣлесообразное употребленіе его. Но органы *заготовляются* прежде, чѣмъ въ нихъ бываетъ надобность; глазъ, наприм., со всѣми приспособленіями къ свѣту и потребностямъ зрѣнія заготовляется уже въ нѣдрахъ утробной жизни. Животныя иногда стараются употреблять извѣстные органы раньше, чѣмъ ихъ имѣютъ; такъ, молодые козлы, телята, олени бодаются головою прежде, чѣмъ у нихъ выросли рога, очевидно, не потому только, что имѣютъ рога, но потому что природа имѣла въ виду дать имъ это орудіе защиты. И это относится не къ отдѣльнымъ органамъ, а къ цѣлой организаціи животнаго. Утка, цапля наприм. не потому идутъ въ воду, что случайно получили ноги, снабженныя перепонками или длинныя, но потому, что цѣлая организація ихъ приспособлена къ тому,—шея, клювъ, перья, желудокъ и проч. Всѣ органы уже изначала являются существенно связанными между собою, цѣлесообразно устроен-

ными для даннаго образа жизни и пищи. Матеріализмъ не останавливается и передъ этимъ; онъ и всю организацію животныхъ думаетъ объяснить изъ, болѣе или менѣе, случайной комбинаціи слѣпыхъ, необходимо дѣйствующихъ, неорганическихъ силъ природы, безъ всякаго другого дѣятеля. Для этого существуютъ двѣ теоріи: самопроизвольнаго зарожденія организмовъ изъ неорганическихъ веществъ и послѣдовательнаго превращенія простѣйшихъ организмовъ въ сложнѣйшіе. Но ни та, ни другая теорія, независимо отъ ихъ несостоятельности, не враждебны теологическому воззрѣнію на природу. У Дарвина, представителя второй теоріи, не смотря на его желаніе придать какъ можно больше значенія вліянію внѣшнихъ физическихъ условій, постоянно усвояется животному инстиктивное, часто доходящее до сознательности, стремленіе руководствоваться извѣстными цѣлями. Кукушка кладетъ свои яйца въ чужія гнѣзда только нѣкоторыхъ породъ птицъ съ опредѣленною цѣлію. Пчелы строятъ свои соты изъ шестисторонних, соприкасающихся между собою ячеекъ также съ разумною цѣлію, и все это передается потомству, между тѣмъ какъ человѣкъ и поумнѣе птицы и пчелы не можетъ передавать наслѣдственно привычныхъ ему ремеслъ и познаній. Теорія произвольнаго зарожденія, утверждающая, что происхожденіе организмовъ есть дѣло силъ природы, которыя дѣйствуютъ по законамъ необходимости, не только не устраняетъ цѣли, плана, но предполагаетъ величайшую разумность и искусство той многосложной, предварительной комбинаціи физическихъ силъ природы, которая сдѣлала возможнымъ образованіе столь искусно устроенныхъ произведеній, каковы организмы. Наше удивленіе только перейдетъ отъ самыхъ органическихъ существъ къ тому болѣе сложному механизму міра, результатомъ котораго явились подобнаго рода

существа. Самый механизмъ міра, способный произвести столь искусно устроенныя произведенія, не будетъ ли служить яснѣйшимъ свидѣтельствомъ разумности и цѣлесообразности?

Чтобы устранить телеологическую идею, при объясненіи происхожденія органическихъ существъ изъ дѣйствія неорганическихъ силъ природы, матеріализмъ долженъ признать происхожденіе этихъ существъ дѣломъ *случайности*. И предъ этимъ рѣшительнымъ шагомъ не отступаетъ матеріализмъ. Но ссылаться на случай не значитъ что нибудь объяснить; это объясненіе не имѣетъ значенія въ наукѣ. Если организмы, которыхъ устройство такъ сложно, могли произойти случайно, изъ безчисленно возможныхъ комбинацій матеріи и силъ, то почему же никто не рѣшится утверждать, что книга, домъ, часы явились сами собою, не смотря на то, что всѣ физическія и химическія условія для образованія этихъ предметовъ существуютъ въ природѣ и что эти условія могутъ комбинироваться безчисленными способами? Кто признаетъ возможность такихъ случайныхъ комбинацій для организма, тотъ тѣмъ болѣе долженъ бы допустить возможность случайнаго появленія дома, машины, часовъ, потому что построеніе ихъ гораздо проще, чѣмъ строеніе организмовъ.

Упрекъ, дѣлаемый защитникамъ телеологическаго воззрѣнія, будто это воззрѣніе зависитъ отъ недостатка знакомства съ дѣйствующими законами природы, не имѣетъ теперь значенія. Законы и силы природы въ настоящее время настолько изслѣдованы, что мы съ полною увѣренностію можемъ сказать, что ихъ однихъ недостаточно для объясненія происхожденія разумнаго строя міра и цѣлесообразныхъ въ немъ явленій. Данныя естествознанія нисколько не говорятъ противъ телеологическаго воззрѣнія, напротивъ

предполагаютъ его, какъ свое дополненіе. Если бы незнаніе естественныхъ явленій было причиною теологическаго воззрѣнія, то мы отыскивали бы наиболѣе цѣлей тамъ, гдѣ причины наименѣе извѣстны, и наоборотъ; но ничего подобнаго мы не замѣчаемъ.

2) Другой рядъ возраженій матеріалистическихъ противъ цѣлесообразности природы касается самой идеи цѣли и приложенія ея къ объясненію явленій природы. Идею цѣли мы получаемъ первоначально изъ наблюденія надъ собственными дѣйствіями; мы сначала задумываемъ планъ, намѣчаемъ цѣль, а потомъ уже дѣйствуемъ. Такой способъ дѣйствованія не есть ли особенность человѣка, и имѣемъ ли мы право переносить его на бездушную природу? Матеріализмъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Основанія для этого онъ заимствуетъ у Канта. По мнѣнію Канта, разумъ нашъ въ объясненіи явленій природы руководствуется двумя началами: онъ предполагаетъ и ищетъ въ природѣ механическую связь причинъ и дѣйствій, во вторыхъ, онъ предполагаетъ цѣль въ каждой вещи и почитаетъ ее причиною явленій и предметовъ. И то и другое требованіе необходимы; но они находятся между собою въ противорѣчіи; одно говоритъ, что происхожденіе явленій природы мыслимо только по законамъ механическимъ, а другое говоритъ, что происхожденіе нѣкоторыхъ предметовъ не можетъ быть мыслимо возможнымъ по законамъ только механическимъ. Это противорѣчіе (антиномія), по Канту, рѣшается тѣмъ, что все это происходитъ только въ нашемъ духѣ и не имѣетъ приложенія къ вещамъ самимъ по себѣ; эти требованія имѣютъ только субъективное значеніе, а не объективное. Источникъ познанія о цѣли въ насъ самихъ. Недовольствуясь объясненіемъ природы по законамъ чисто механическимъ, мы приписываемъ ей образъ дѣйствованія,

аналогичный съ тѣмъ, какой находимъ въ своей душѣ. Так. обр. это есть начало субъективное и лишено объективнаго значенія.

Но еслибы эти начала (механическое и цѣлесообразное) и дѣйствительно были противоположны, какъ думаетъ Кантъ, то мы въ правѣ были бы заключить только, что соединеніе ихъ не доступно для нашего разума, а не исключать какое либо изъ нихъ, такъ какъ оба они подтверждаются фактами и требуются разумомъ. Противорѣчіе между ними было бы въ томъ случаѣ, если бы мы, признавая одно, отрицали другое; но на это ни опытъ не даетъ намъ права, ни мысль не требуетъ такой жертвы. Потомъ, странно то, что оба эти воззрѣнія въ мышленіи существуютъ, а прилагаться къ предметамъ не могутъ! Если они уживаются въ мышленіи и притомъ какъ необходимыя начала познанія, то что же мѣшаетъ имъ уживаться и на самомъ дѣлѣ? Притомъ, признавая понятія цѣлесообразности и дѣйствующей причинности субъективными, мы должны были бы прилагать ихъ къ объясненію предметовъ безразлично. Но мы въ однихъ случаяхъ говоримъ, что здѣсь механическая связь причины и дѣйствія, а въ этомъ предметѣ цѣлесообразное устройство. Поэтому мы имѣемъ право основательно предположить, что какъ дѣйствующая, такъ и телеологическая причинность составляютъ принадлежность не только нашего ума, но и основаны на самой природѣ вещей, и что дѣйствительное присутствіе или отсутствіе цѣли въ предметѣ, ясность или неясность ея заставляютъ нашъ умъ признать ее въ данномъ случаѣ или нѣтъ. Понятіе цѣли есть дѣйствительно понятіе субъективное по происхожденію, но ошибочно думаетъ Кантъ, что оно не имѣетъ истины и реальности внѣ насъ. Почему субъективное въ насъ не можетъ быть объективнымъ и внѣ

нашего духа? Самое стремленіе переносить это понятіе внѣ насъ, на предметы, законности котораго не отрицаетъ и самъ Кантъ, не служитъ ли доказательствомъ, что не въ насъ только, но и внѣ насъ, есть дѣйствительно такія свойства, которыя необходимо вынуждаютъ насъ переносить идею цѣли изъ области субъективной въ міръ объективный? Если, говорятъ, что мы прилагаемъ идею цѣли къ нѣкоторымъ предметамъ, наприм. высшимъ организмамъ, потому что замѣчаемъ между ними и собою нѣкоторое сходство; то не признаютъ ли уже этимъ самымъ, что внѣ насъ дѣйствительно есть нѣчто сходное съ нашимъ цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ? Но этого мало. Мы переносимъ идею цѣли не только на высшіе ближайшіе къ намъ организмы, но и на растенія, на цѣлый міръ, хотя между нами, съ одной стороны, растеніями и природою, съ другой, нѣтъ сходства. Остается допустить, что въ нѣкоторыхъ предметахъ дѣйствительно есть нѣчто необъяснимое только механизмомъ. Так. обр. субъективное происхожденіе идеи цѣли не можетъ служить возраженіемъ противъ права приложенія ея къ природѣ. Если бы мы не находили цѣлесообразныхъ явленій въ мірѣ, то мы, разъ задавши себѣ этотъ вопросъ, отвѣтили бы на него отрицательно и перестали бы доискиваться цѣлей въ природѣ, подобно тому какъ мы не ищемъ въ природѣ сознательности, хотя замѣчаемъ ее въ себѣ.—Замѣтимъ кстати, что напрасно матеріалисты въ вопросѣ о цѣлесообразности природы прикрываются авторитетомъ Канта. По его теоріи познанія, всѣ категоріи имѣютъ только субъективное значеніе, а не объективное. Съ его точки зрѣнія, и самый матеріализмъ есть только субъективно-возможное, но объективно несостоятельное воззрѣніе на природу, какъ и идеализмъ.

Независимо отъ сего ссылка на субъективное происхожденіе идеи цѣли нисколько не поможетъ матеріализму. Матеріалисты не могутъ понимать слово субъективный въ смыслѣ ложный, несуществующій, такъ какъ человѣческія дѣйствія и произведенія явно указываютъ на цѣль. Если же они цѣлесообразное дѣйствованіе признаютъ особенностію существъ разумныхъ, исключительною принадлежностію міра психическаго, то вынуждены будутъ, къ своему изумленію, признать самостоятельность психическаго начала и его противоположность міру внѣшней природы. Если же они не согласятся на такое саморазрушеніе, и міръ психическій не признаютъ по существу отличнымъ отъ матеріальной природы, то, допуская цѣлесообразность въ дѣйствіяхъ человѣка, должны будутъ признать и цѣлосообразность въ произведеніяхъ природы. Если человѣкъ есть произведеніе природы, то, конечно, отъ нея онъ и получилъ способность дѣйствовать по цѣлямъ; понятіе о цѣлесообразности отъ человѣка должны распространить на всю природу.

Но, говорятъ, дѣйствіе съ цѣлію предполагаетъ сознаніе и разумъ, качества, замѣчаемыя въ человѣкѣ и его дѣятельности, а не въ природѣ.—Но этимъ исключается только сознательное дѣйствіе, но не дѣйствіе цѣлесообразное. Сознательность не связывается необходимо съ цѣлесообразностію и разумностію. Дѣйствія могутъ быть разумны и цѣлесообразны, но безсознательны. Въ человѣческой жизни мы замѣчаемъ много именно такихъ дѣйствій, которыя разумны и цѣлесообразны, но безсознательны; таковы, наприм., невольное смыканіе вѣкъ при приближеніи къ глазу посторонняго тѣла, невольное движеніе рукъ при отстраненіи опасности и т. п. Актъ припоминанія, когда забытое вдругъ сознается безъ усилій нашей воли, также

представляетъ намъ примѣры разумно-безсознательной психической дѣятельности. Первоначальное образованіе нашихъ сужденій о разстояніи, образованіе способности говорить и проч. необъяснимы безъ участія разумной силы, но эта сила дѣйствуетъ, очевидно, безсознательно. То же самое мы замѣчаемъ и въ животномъ мірѣ, именно въ инстинктахъ животныхъ, которыя предполагаютъ собою выборъ средствъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, приспособленіе къ даннымъ обстоятельствамъ,—вообще дѣятельность аналогическую съ разумною дѣятельностію человѣка, хотя и лишенною сознательности, принадлежащей послѣднему. Не механическій только, но относительно разумный характеръ цѣлесообразныхъ дѣйствій природы можно замѣчать и въ цѣлительной силѣ природы, приспособляющейся къ особеннымъ обстоятельствамъ органической жизни. Не говоря уже о природѣ, которая представляетъ собою живое цѣлое, даже машину и дѣйствія ея нужно признать цѣлесообразными и ходъ ея разумнымъ; только разумность и цѣлесообразность ея будутъ безсознательны. Такъ и природа, вслѣдствіе данныхъ ей Творцомъ законовъ, можетъ дѣйствовать разумно и цѣлесообразно, но безсознательно; разумностя ея не субъективная, но отвнѣ данная. Так. обр. безсознательность природы не можетъ служить поводомъ къ отрицанію въ ней цѣлесообразности.

Но какимъ же образомъ возможно совмѣстное дѣйствованіе причинъ механическихъ и причинъ телеологическихъ? Не нужно ли пожертвовать одними изъ нихъ, именно конечными? Никакой нѣтъ надобности. Можно указать множество примѣровъ совмѣстнаго существованія того и другого рода причинъ. Мы, наприм., строимъ домъ, дѣлаемъ машину для извѣстной цѣли, но матеріалъ, который служитъ средствомъ для выполненія нашихъ намѣреній, не

перестаетъ быть подчиненнымъ общимъ законамъ природы. Мы и не стараемся произвести что-либо чуждое этимъ законамъ и не можемъ этого, но только различнымъ образомъ комбинируемъ ихъ дѣйствія, направляя ихъ къ извѣстной цѣли. Такъ и въ организмахъ мы видимъ, что цѣлесообразно дѣйствующая органическая сила не уничтожаетъ дѣйствія общихъ механическихъ и химическихъ законовъ природы, но напротивъ пользуется ими какъ средствомъ для осуществленія своихъ плановъ. Естествоиспытатель, въ теоріи ограничивающійся только механическими причинами, своими опытами представляетъ наглядное доказательство возможности цѣлесообразнаго дѣйствованія законовъ природы. При каждомъ опытѣ онъ заставляетъ ихъ дѣйствовать для своихъ цѣлей, производить такія явленія, какія ему нужны. Этимъ онъ доказываетъ, что природа, не смотря на свои необходимые законы, можетъ располагать свои явленія по извѣстнымъ планамъ, подъ вліяніемъ особой причины, дѣйствующей цѣлесообразно.

Так. обр., ни положительныя данныя естествознанія, ни требованія философской мысли не представляютъ никакихъ серьезныхъ препятствій къ признанію телеологической идеи, столь важной не только для философскаго познанія природы, но и для утвержденія основной религіозной истины бытія Божія.

Говорятъ, наконецъ, что телеологическое воззрѣніе на природу не только не приноситъ никакой пользы для познанія природы, но существенно вредитъ ему, задерживая движеніе и совершенствованіе естественныхъ наукъ. Но если эта мысль имѣла нѣкоторое значеніе во времена Бакона, который первый высказалъ это возраженіе, то теперь она является совершеннымъ анахронизмомъ. Теперь не естествознаніе, а философія должна отстаивать свои права

въ познаніи природы и жаловаться на угнетеніе и непризнаніе ея правъ со стороны естествознанія, а не наоборотъ.

Если и дѣйствительно нашлись бы случаи, когда теоретическое гаданіе о цѣляхъ предметовъ природы заставляло забывать объ ихъ положительномъ узученіи, то виновны были бы здѣсь не конечныя причины, а тѣ изслѣдователи, которые поступали такимъ образомъ. Притомъ ошибки здѣсь нисколько не говорятъ противъ истины самаго понятія о цѣли, какъ и ошибки въ изъясненіи причинъ дѣйствующихъ ничего не говорятъ противъ наукъ естественныхъ, и не служатъ препятствіемъ къ дальнѣйшему изслѣдованію того и другого. Въ интересахъ естествознанія и философіи полезно было бы точное размежеваніе ихъ границъ. Но, съ другой стороны, хорошо было бы, еслибы естествоиспытатель могъ быть въ то же время и философомъ природы, и наоборотъ. Раздѣленіе труда между различными областями знанія не должно вести къ враждѣ между ними, гибельной въ дѣлѣ науки. Науки связаны между собою, и успѣхи одной способствуютъ процвѣтанію другой. Успѣхи естествознанія благопріятствуютъ успѣху философіи природы; философія природы въ свою очередь осмысливаетъ результаты естествознанія и дѣлаетъ знаніе болѣе полнымъ. Сами естествоиспытатели признаютъ это, когда не ограничиваются только указаніемъ того, какую роль играетъ въ животной экономіи такой-то аппаратъ, но опредѣляютъ его назначеніе для общей жизни организма; когда эта цѣль не очень ясна, то они дѣлаютъ предположенія ея, безъ чего не считаютъ своихъ изслѣдованій полными и законченными. Кабанисъ, одинъ изъ видныхъ противниковъ конечныхъ причинъ, говоритъ,— что „очень трудно самому сдержанному человѣку никогда не прибѣгать къ

телеологическимъ изъясненіямъ". И это теоретическое предположеніе постоянно оправдывалось дѣйствительными наблюденіями. Гарвей, по его собственному признанію, былъ приведенъ къ открытію кровеобращенія мыслію о предупредительной цѣлесообразности природы. Эта же мысль была началомъ великихъ открытій Кювье въ области палеонтологіи. Телеологическая идея еще болѣе благотворнаго вліянія окажетъ на общій ходъ и направленіе естествознанія. „Возвышенная мысль, что природа представляетъ въ своемъ составѣ и въ своей исторіи не безпорядочный и безсвязный аггрегатъ случайныхъ явленій матеріи и физическихъ силъ, но стройное органическое цѣлое, въ своемъ законообразномъ развитіи осуществляющее разумныя цѣли бытія, сообщаетъ глубокій философскій интересъ и смыслъ изученію природы. Вмѣсто мертваго безжизненнаго механизма, передъ нами царство разума, затаеннаго въ грандіозно-стройныхъ массахъ природы неорганической, дремлющаго и безсознательнаго въ разнообразіи существъ органическихъ и достигающаго сознательности и высшаго развитія въ человѣкѣ. А этотъ ограниченный, повсюду разлитый въ природѣ, разумъ указываетъ вдали, какъ на свое начало и вмѣстѣ на послѣднюю и высочайшую цѣль, на Разумъ неограниченный и всесовершенный, на Творца міра, возбудить и оживить благоговѣніе къ Которому и должно быть высшею поэтическою цѣлію какъ каждой науки, такъ и естествознанія".

Опечатки. На 10-й стр. 3 стр. сверху сего № напечатано: неправленіе вмѣсто—направленіе; на стр. 14-й стр. 5 снизу,—проснутся бы вмѣсто проснутся; на 15 стр. 2 я стр. снизу,—говорились вмѣсто готовились.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Редакторы, преподаватели семинаріи: **А. Поповъ. Н. Смирновъ.**

Дозволено ценз. Пенза, 15 сентября 1879 г. Цензоръ, ректор. сем., прот. **С. Масловскій.**

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.